

общества. Это связано, на наш взгляд, не только со специфическими условиями матриархальной среды, но и с мировосприятием архаичных сочинителей-сказителей, которые в тексте прямо и косвенно утверждают философскую идею об уникальности женской природы и женского ума как части общего коллективного разума Дома Бытия.

Литература

1. Петросян А. А. История народа и его эпос. М., 1982. С. 61.
2. Кирилина А. В. Гендер: лингвистические аспекты. <http://old.strana-oz.ru/?numid=23&article=1038>
3. Сабанчиева Л. Х. Гендерный фактор традиционной культуры кабардинцев (вторая половина 16 века – 60-е годы 19 века). Нальчик, 2005. С. 12.
4. Там же. С. 185.

5. Бердяев Н. А. Смысл творчества // Философия творчества, культуры и искусства: в 2-х т. Т. 1. М., 1994. С. 189.

6. Истомина Н. А. Энциклопедический словарь символов. М., 2002. С. 503.

7. Текуева М. А. Мужчина и женщина в адыгской культуре: традиции и современность. Нальчик, 2006. С. 14.

8. Нартхэр. Къэбэрдей эпос. Нальчик, 1995. С. 85.

9. Истомина Н. А. Энциклопедический словарь символов. М., 2002. С. 764.

10. Нартхэр. Къэбэрдей эпос ... С. 117.

11. Там же. С. 523.

12. Эстес К. П. Бегущая с волками: Женский архетип в мифах и сказаниях. М., 2012. С. 4.

13. Нартхэр. Къэбэрдей эпос ... С. 390.

L. F. KYASHEVA, Z. A. KUCHUKOVA. KABARDIAN NART EPOS: GENDER ASPECT

Article explores the embodiment of the gender component in the Kabardian Nart epos and the system of spiritual values, expressed through images of women.

Key words: Kabardian folklore, Nart epos, gender picture of the world, women's images.

З. М. ГАБОЕВА,
З. М. ГАБУНИА

О СТРУКТУРЕ КОНЦЕПТА ТРУД В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ, РУССКОМ И ИСПАНСКОМ ЯЗЫКАХ

(На материале паремий)

В статье на основе пословиц и поговорок анализируется концепт труд в карачаево-балкарском, русском и испанском языках.

Ключевые слова: концепт труд, структура концепта, паремии.

Как известно, концептам свойственно структурно организованное строение: ближние и дальние периферии сем, входящих в состав ядра, частично пересекаются, образуя уникальную систему значений. Такой же компонентный состав характерен и для концепта *труд*. Наряду с универсальным значением он отражает «национальную специфику, зафиксированную в национальной картине мира» [1]. Так, в карачаево-балкарском языке (подобное исследование проводится впервые) его ядро представлено лексемой «труд», состоящей из трех сем: `деятельность человека`; `целесообразность`; `усилие`. В ближнюю периферию входит антонимическое понятие `лень`, к которому примыкают `праздность` и `отдых`: *Эринчек ауруу табар, шилеген саулукъ табар* – Ленивый заработает болезнь, а трудящийся найдет здоровье. Полученные в ходе лингвистического анализа данные наиболее сжато и доступно можно изложить в виде схемы, которая позволяет максимально логично представить общую структуру и особенности концепта.

Компоненты дальней периферии содержат наиболее ярко выраженное культурно-этнографическое

значение: они фиксируют информацию о быте, образе жизни, основных занятиях и системе ценностей. Например, специфичным для дальней периферии концепта *труд* в карачаево-балкарском языке является компонент *копна / стог*. Он становится символом начала и конца дела: Черени болмагъанны, антауу болмаз – Если нет копны, то не будет скирды (стога).

Полевая структура концепта *труд* в паремиологическом фонде русского и испанского языков совпадает по большинству параметров: состав ядра, приядерные антонимичные компоненты, тенденции в отношениях между ними, состав ближней периферии и значительное число компонентов дальней. Однако есть и различия: объем ближней периферии и в испанском, и в карачаево-балкарском языках несколько уже, чем в русском.

В русском языке концепт *труд* выражен лексемами с устаревшим значением, которые дают наиболее богатый материал для лингвокультурологического анализа. Они отражают все особенности быта, вплоть до основных видов пищи (хлеб, калач) и наиболее распространенных предметов мебели

(стол, лавка, полати, лежанка): *Хочешь есть калачи, так не сиди на печи! За стол посадят, так работать заставят. Пряди, девица, не ленись, по лавкам не тянись! От нечего делать и таракан на полати лезет* [2].

Интересна антонимическая пара *белый / черный*. С ее помощью метафорически выражается не только положительная и отрицательная семантика (общевропейская символика), но и значение ‘усилие’. В таких выражениях, как *белоручка* (лентяй) и *черный труд* оценочная коннотация смещена: положительное явление описывается эпитетом «черный», а белый цвет, символизирующий положительное начало, характеризует понятие с ярко выраженной негативной семантикой.

Определенное количество паремий в каждом из рассматриваемых языков посвящено началу и концу труда. Таким образом актуализируется идея деятельности как длительного процесса и ее целесообразности: *Начало – половина дело* (рус.); *Labor bien empezada, casi mediada* (исп. Хорошее начало в труде – почти полдела); *Башланмагъан ишде жилин жатар* (кар-балк. На неначатую работу змея ляжет); *Конец – делу венец* (рус.); *Obra acabada, a Dios agrada* (исп. Законченная работа и Богу нравится); *Ишни ашыгъын башлама башласанг а – ташлама* (кар-балк. Работу начинай не спеша, если же начнешь – не бросай).

Компонент ‘деньги’ является составной частью ближней периферии концепта в испанском и карачаево-балкарском языках. В русских паремиях он встречается только в косвенном виде на уровне дальней периферии, его заменяет более абстрактное понятие ‘богатство’, репрезентантами которого являются деньги, одежда, обувь, жилище. В испанском языке, кроме того, присутствует сема ‘бедность’, отсутствующая в структуре концепта *труд* в русском языке. В карачаево-балкарском языке «богатство» и «деньги» сближаются и становятся взаимозаменяемыми, отражаются через лексемы, обозначающие сырье: *жюн* (шерсть), *акъ* (молочные продукты), *къой* (баран). Это свидетельствует об архаичности данного понятия в карачаево-балкарской культуре и сравнительно меньшей развитости в ней средств производства.

В карачаево-балкарских паремиях с ядром концепта логически связан компонент ‘величие, почет’ как этическая категория, он включен в его ближнюю периферию и дополняется антонимичной семой ‘позор’: *Къыйналмагъан сыйланмаз* (Кто не трудится, тот не пользуется почестями), *Ишни жокъну сыйы жокъ* (Без работы – без почета), *Ишни эте билмеген ит ыйлыгъын кърюр* (Кто не умеет работать, тот потерпит собачий позор). В русских пословицах и поговорках компонент ‘уважение, почет’ встречается редко (Ковал детали, а выковал медали), а в испанских он не представлен.

Характерным для русской и карачаево-балкарской культуры является отсутствующий в испанских паремиях компонент *дурь / дурак*: *От*

безделья дурь наживается. Телини иши болмаса кеси юйюне чаб (кар.-балк. Если дураку делать нечего, он набросится на своих). Однако его функции не тождественны. Если в русских паремиях дурь присутствует в ближней периферии значения концепта и является прямым следствием праздности, то в карачаево-балкарских это понятие принадлежит дальней периферии и рассматривается скорее как причина безделья или бесцельности труда.

Значительным культурологическим потенциалом обладают лексемы в лексико-семантических группах *инструменты* (*орудия труда*) и *профессии*. Их анализ позволяет выявить исторически наиболее значимые в соответствующей национальной культуре виды трудовой деятельности. Общими для всех рассматриваемых языков являются лексемы «топор» (одно из основных орудий труда) и «пастух» (наиболее распространенная профессия). Также во всех языках присутствует компонент *швея / шить*. Это главное женское ремесло может быть представлено напрямую (*Fina costurera, hace camisas con chorrera* – исп. Утонченная швея делает рубашки с водосточной трубкой), опосредовано (*Ийне башхаланы кийиндиреди кеси уа къымыжады* – Иголка других одевает, а сама голая) либо на обоих уровнях (Длинная нитка – ленивая швея). Однако в русской культуре дополняется синонимичным по функции компонентом *пряжа / пряхь*: *У плохой пряхи и про себя нет рубахи; Девушка Гагула села пряхь, да и заснула; Либо ткать, либо пряхь, либо песенки петь*, который отсутствует в карачаево-балкарских и испанских паремиях. Специфичной для испанской культуры является профессия прачки, не упоминаемая в русских и карачаево-балкарских паремиях, что отражает большую степень дифференцированности труда: *Lavandera mala no encuentra jamás buena piedra* – Плохая прачка не находит никогда хороший камень. По этой же причине в испанских паремиях существенно меньше отражены первоначальные орудия сельскохозяйственного труда, занимающие значительное место в карачаево-балкарских и особенно в русских паремиях.

Отдельные лексемы выражают специфические для данной культуры денотаты: «соха» в русском языке (*Богу молись, крепись да за соху держись; У матушки сошки золотые рожки* [3]) и «чабан», «казанщик» в карачаево-балкарском (*Къоркъакъ адам къойчу болмаз* – Трусливый чабаном не станет; *Къазанчы къайнатмаса къазан къайнамаз* – Если kazanщик не вскипятит, kazan кипеть не будет [4]).

На дальней периферии значения находится еще одна интересная в культурологическом плане группа паремий со значением ‘место труда’. В русском и карачаево-балкарском языках их состав почти идентичен и включает «пашню» и «лес» (*Сабаны барны насыбы бар* – У кого есть пашня, у того есть счастье. *Агъачха балтасыз барма* – В лес без топора не ходи. *Пашню пашут – руками не машут*) [5], а в испанском косвенно представлено и

лексемой «виноградник»: *La labor de la vina, ella lo paga en la vendimia* – Работа сборщика винограда оплачивается в сборе винограда. Этот факт также отражает сравнительно большую архаичность и земледельческий характер русской и карачаево-балкарской культуры.

Особый интерес для лингвокультурологического анализа представляют метафорическое воплощение явлений природы, поскольку они отражают специфику среды обитания народа. Так, для испанской культуры ключевыми понятиями являются «море», «океан», «песок», для карачаево-балкарской – оппозиция «гора – долина», для русской – «ветер», «вода», «солнце». В русских поговорках природный компонент представлен лексемами с наиболее абстрактным и широким значением, что является следствием большего разнообразия ландшафтов занимаемой территории. Среда обитания карачаево-балкарского народа сформировала особую культурологическую оппозицию, отсутствующую в двух других культурах: компонент «гора» приобретает особый оценочный характер, коррелируя с семей 'усилие' ядра концепта: *Ёлмез жаным, кёб малым болса, тау башында да жашарма* – Не умрет душа, если будет много скота, и на горе проживу, *Таугъа минмей, тюз кёрюнмез* – Не взобравшись на гору, долину не увидишь.

Специфичными образцами испанского паремнологического фонда является употребление в высказываниях технических терминов: *Hombre con pereza, reloj sin cuerda* – Человек с ленью – часы без ремешка, что говорит о сравнительно высокой степени технологического развития испанской народной культуры.

Среди компонентов, восходящих к анимическому коду культуры, можно выделить оппозицию *осёл / лошадь*, уникальную для

карачаево-балкарского языка. Если в испанской культуре образно-функциональное значение обоих лексем идентичное, а в русском «осёл» отсутствует, то в карачаево-балкарской формируется достаточно сложный по семному составу образ: *Эшек ишлер, ат ашар* – «Осёл трудится, лошадь ест», требующий отдельного комментария. При этом в функции, идентичной компоненту «осёл» в карачаево-балкарском языке, в испанских поговорках выступает «автомобиль»: *Эшек жюксюз болмаз* – (кар.-балк.) Осёл без груза не бывает / *Aparejado el carro. No te quejes de la carga* – (исп.) Подготовил автомобиль – не жалуйся на груз [6].

Анализ структуры концепта *труд* на материале поговорок карачаево-балкарского, русского и испанского языков показал, что семный состав ядра концепта во всех трех языках сходен, варьируется степень актуальности и репрезентативности отдельных сем. В ближней периферии семантическое поле общее, различия прослеживаются в дальней периферии, исследование которой в перспективе дает интересный этнокультурологический материал для сопоставительного изучения культур.

Литература

1. Маркелова Е. В. Концепты «Труд» и «Лень» в русских поговорках // Материалы междунауч. науч.-метод. конф. Новосибирск, 2001.
2. Даль В. Пословицы русского народа: в 3 т. Т. 1. М., 1993.
3. Жуков В. П. Словарь русских поговорок и поговорок. М., 2000. С. 544.
4. Малкъар нарт сёзле. Нальчик, 1965. С. 207.
5. Малкъар нарт сёзле. Нальчик, 1982. С. 188.
6. Los mejores refranes españoles. Madrid, 2010. С. 413.

Z. M. GABOEVA, Z. M. GABUNIYA. ABOUT CONCEPT *LABOUR* STRUCTURE IN KARACHAI-BALKARIAN, RUSSIAN AND SPANISH LANGUAGES

(On the material of proverbs)

In article on the basis of Proverbs and sayings analyzes the concept work in Kabardino-Balkaria, Russian and Spanish languages.

Key words: concept labour, concept structure, proverb.

Ю. Н. СИНИЦЫНА

ЯЗЫК И РЕЛИГИЯ КАК СФЕРЫ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

Автор освещает основные научные взгляды на взаимодействие языка и религии, на формирование религиозно-языковой картины мира с множеством ценностей, которые находят свое выражение на этнонациональном и на личностном уровне.

Ключевые слова: религиозно-языковое мышление, этнорелигиозное сознание, религиозно-языковая идентичность.

Язык является древнейшей формой человеческого общения, человеческого сознания. Гумбольдт писал об определяющем воздействии языка на

духовное развитие человека, сутью которого является «служение высшей и общей цели совместных устремлений человеческого духа, цели познания